

УДК 34(470.45):340.141
ББК 67.3(2)52

ОСОБЕННОСТИ ОБЫЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕКИ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА¹

Краснов Сергей Юрьевич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
Волгоградского государственного университета
krasnov@volsu.ru, trofimov@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье автор обращает внимание на особенности и своеобразии обычно-правового регулирования опеки у донских казаков во второй половине XIX века. Автор делает вывод о том, что сложный, противоречивый характер казачьего нормотворчества и особенности обычно-правового регулирования опеки зависели от своеобразия механизма действия норм обычного права и определяющей роли в этом процессе донских казачьих общин. Данные вопросы еще не были предметом научного исследования ни в историко-правовой, ни в исторической и этнологической науках.

Ключевые слова: обычное право, опека и попечительство, донские казаки, особенности обычно-правового регулирования, история права России

В данной статье автор постарается по-новому взглянуть на обычно-правовое регулирование опеки у донских казаков во второй половине XIX в. и акцентировать внимание на ее основных особенностях, которые в достаточной степени раскрывают ее сущность и своеобразии и одновременно показывают сложный и противоречивый характер казачьего нормотворчества.

Во-первых, донские казаки вообще не использовали такие термины, как «попечительство» и «попечитель». Более употребительны были термины «опека» и «опекун». Однако при регулировании различных вариантов опеки наряду с термином «опекун» применялись и другие термины, такие как «принятие на года», «принятие в детища», «примыш», «вскормленник» и др.

«Различают «принятие в детища», то есть полное усыновление и «вскормничество», то есть про-

стое воспитание. «Принимают в детища» чаще малолетних; часто чужие усыновляют незаконнорожденных, когда муж родившей казачки против них; принимают и сирот и детей бедных родителей. Если малолетний называют «сыном».

Другие названия для усыновленных – примыш, вскормленник. Принимают часто и девочек в надежде взять за нее «во двор» зятя-работника. В Казанской станице усыновляют иногда и взрослых, даже женатых. Особенно охотно усыновляют казаки бездетные, чтобы приобрести работника в семью, чтобы успокоил их на старости» [7, с. 86]¹.

Во-вторых, в качестве опекунов и опекаемых выступали как отдельные граждане, так и целые семьи. При этом обычное право донских казаков допускало наличие у опекаемых сразу несколько опекунов одновременно. На наш взгляд, в качестве «неформальных» опекунов выступали соседи, ближайшие родственники, старики, хуторские сходы и сами донские казачьи общины, которые не только

осуществляли контроль за сохранностью имущества подопечных и (или) за их воспитанием, но и оказывали им материальную и иную помощь в соответствии с санкционированными донскими казачьими общинами к применению нормами обычного права.

Кроме того, можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что различные варианты опеки устанавливались не только над малолетними и несовершеннолетними детьми, но и над взрослыми дееспособными гражданами. Основаниями установления опеки могли выступать помимо возраста, болезни, немощного состояния и другие самые различные жизненные обстоятельства, в том числе негативного характера (злоупотребление спиртными напитками, расточительство, нерадение по хозяйству и т.п.). Достоверность сделанного нами вывода подтверждается тем фактом, что сами донские казачьи общины в отличие от знатоков донского казачьего быта связывали с данными обстоятельствами необходимость установления и осуществления именно опеки, а не рассматривали их в качестве способов приобретения имущества.

«Красноречивой характеристикой наших нравов может служить заявление жителя поселка, казака Е. Б-ва, поданное им недавно общественному сходу. В нем Б-в, недавно вернувшийся из полка и еще не отделенный своими родителями, просит общество назначить опекуна над имением последних. Б-в мотивирует эту просьбу, и мотивирует вполне основательно тем, что его родители вот уже в течении многих лет, ничего не предпринимают для приращения имущества, пьянствуют, тащат хозяйственные вещи и принадлежности в кабак, продают все за безценок, деньги пропивают и, таким образом, разоряют имение в ущерб ему, Б-ву, и другим сонаследникам. Общество, уважив заявление Б-ва, постановило дать ему надлежащий ход.

Не менее характерно и другое заявление, поданное одновременно с заявлением Б-ва вдовой старухой казачкой М. Ш-вой. В нем Ш-ва просит вспомоществования у общества: зять ее казак Ф. Ч-в, овдовев несколько лет тому назад, женился во второй раз, а четырех малолетних детей от первого брака с ее дочерью оставил без всякого презрения на ее Ш-вой руках, не оказывая им решительно никакой материальной помощи.

Отец последних (детей) Ч-в, опрошенный обществом почему он не воспитывает своих детей, ответил уклончиво: «плохие-де дела и по мере сил я

помогаю». Установлено, однако, что никакой, в сущности, помощи Ш-ва от зятя не получает и не получала. Общество удовлетворило ходатайство Ш-вой и предоставило в ее распоряжение казачий пай на воспитание внуков» [5].

Пособия в указанный период времени могли выплачиваться и в денежной форме.

Например, в станице Петровской Хоперского округа в 1898 г. на выплату денежных пособий калекам и безродным старикам в бюджете станицы была заложена сумма в сто пятьдесят рублей [6].

Если сравнить эту сумму с другими суммами, которые направлялись на денежные выплаты бедным вообще, то она окажется слишком маленькой.

«Расходы станичные (в 1873 г. в станице Старочеркасской. – С. К.): ... пособие бедным, вступающим в законный брак – 1000 рублей, пособие бедным казакам, отправляющимся на службу от 1500 до 3000 рублей» [4].

Столь значительную разницу в суммах, направляемых на материальную помощь своим гражданам из бюджетов станиц, по нашему мнению, только отчасти можно объяснить разностью финансовых возможностей каждой из станиц. В основе же имевших место различий лежали прежде всего обычно-правовые представления донских казаков об установлении и осуществлении опеки над малолетними и несовершеннолетними детьми и другими гражданами.

«Да и те общества, у которых достаточно общественных денег, как-то не обращают должного внимания на бедствующих своих братьев в том, как видно, предположении, что неимущие могут, по старинному обычаю, пробавляться между родственниками и другими добрыми людьми.

Поэтому хотя и выдаются иногда вспомоществования бедным из станичных сумм, но в крайне ограниченном количестве и то лишь преимущественно бедным одиноким старухам, вдовам и весьма редко полтину какую и много – рубль доведется получить одному из бедных стариков. Есть такие из казачьих семейств, которые несмотря на свою бедность, дают еще у себя приют кому-либо из престарелых сиротствующих; их презируют и кормят, хотя обыкновенно с помощью других добрых людей.

Такое расположение жителей наших станиц к благотворительности, вошедшее из старины в обычай, до сего времени (до 1876 года. – С. К.) заменяло общественные богадельни, обеспечивая в более или менее хорошей степени содержание бедных вообще» [3].

«...Этот же дух существует и в наших сиротах, поддерживаемый в них воспитателями – казаками. Даже какие бы ни были калеки из сирот казачьего сословия, нигде не видно, чтобы они допущены были до положения нищенства и занимались попрошайничеством. Каждый из наших бедняков готов переносить всевозможные лишения и всякого рода нужду, но не осмелится явиться в качестве побирушки» [1, с. 20, 21].

В-третьих, еще одна из особенностей, характеризующих обычно-правовое регулирование опеки у донских казаков во второй половине XIX в., состояла в том, что индивидуальные договоры, которые в устной или письменной форме иногда заключались между опекаемыми гражданами и опекунами, носили вторичный, производный (от тех норм обычного права, которые были санкционированы к применению в той или иной донской казачьей общине и были направлены на установление прав, обязанностей и ответственности опекунов) характер.

Это хорошо видно, в частности, на примерах подобных договоров, заключаемых с зятьями, которые со своим имуществом переходили жить в семью жены.

Анализ указанных договоров демонстрирует такую же вариативность в определении и названий договоров, и той основной цели, на достижение которой они были направлены. По этой причине их невозможно точно отнести ни к одному из известных обычному праву донских казаков видов заключаемых между гражданами договоров. Такое положение было характерно для всех округов Области войска Донского.

«1880 г., 24 февраля, мы нижеподписавшиеся Области войска Донского Нижнекурмоярской станицы (Первого Донского округа. – С. К.) казаки Д.Ф.Т. и И.Е.Щ., заключили сие условие в том, что первый из нас, Т., принял последнего, Щ., в зятя за дочь свою Н. сроком на 10 лет, считая таковой с 1-го июня 1880 г., на следующих условиях: 1-е. Я, Т., по истечении сказанного срока обязан выделить зятю Щ. с женою его Н., из движимого и недвижимого имения и домашней рухляди, какое только окажется при станице Нижнекурмоярской, 1/3 часть с тем, чтобы зять мой и жена его, а моя дочь, должны быть в должном повиновении и почтении.

2-е. Я, Т., не касаюсь до пригнанного имения зятем и не обязуюсь ему до 10 срока выделить, но

я, Т., обязан, в случае командирования Щ. на Государеву службу, исправить мундирные и амуничные вещи, ежели таковые потребуются, и

3-е. Я, Т., без особенных законных причин не должен отделять зятя Щ. до вышесказанного срока, а ежели же зять мой и жена его, Н., до условного срока, по своим каким-либо выгодам или прихотям, не доживут, то я, Т., не обязуюсь выделять никакой части, а равно исправлять его к службе. При чем я, Т., и жена моя Е. не должны без причин чинить какие-либо нападки, притеснения зятю своему Щ.

Последние из нас, Щ. и моя жена Н., обязуемся быть в повиновении вышесказанным 10-летний срок и ежели мы без причин не доживем до срока, то лишаемся определенной нам части и не должны производить иск за имение. Условие сие мы обязуемся сохранить свято и ненарушимо...» [7, с. 89].

Еще большим своеобразием отличались заключаемые с зятьями договоры в 1883 г. в станице Верхне-Кундрючевской.

«26 июня Запродажная сделка

Мы нижеподписавшиеся ОВД Верхне-Кундрючевской станицы урядник Андрей Дмитриев Агафонов, и казак Ефим Иванов Маслов заключили сию запродажную сделку в нижеследующем: из нас Агафонов продал Маслову состоящий в хуторе Чернышевском сей станицы между дворами урядника Косова и казака Чернышева каменный дом; деревянный амбар крытый соломой, летняя каменная пекарка крытая землею с базными пристроями, один плодородный сад, состоящий близ дома, капустаный огород на балке сенной совместно с огородами казака Гаврилы Чернышева, три пары рабочих волов с двумя возами и другими службами, три дойных коровы с телятами и мелкой скотины 8 штук, одна кобылица с пряжью и дрогами, овец 50 штук, и все что только в настоящее время есть в домашнем быту, за цену 450 рубл. сереб. И деньги я Агафонов с Маслова сего же числа получил все сполна и в случае какие-либо окажутся наследники к собственно приобретенному моему к вышеупомян. имению касаться в участии к Маслову не должны, и кроме того я Маслов обязываюсь Агафонову и жену его Акулину до смерти их одевать, обувать и докормить и наблюдать за ними при старых и приклонных их летах по смерти же их я Маслов обязываюсь похоронить по христианскому обряду, падчирецев же также до возраста лет обязан я Маслов прилично одеть и выдать в замужество если они пожелают и дать им обоим по телушке 2-х леток в том и подписуемся» [1, с. 20, 21 об.].

Возникает вопрос: а было ли тогда вообще что-то общее, что объединяло бы все вышеуказанные договоры? На наш взгляд, на него можно дать утвердительный ответ.

Общим являлось то, что в обычно-правовых представлениях донских казаков во второй половине XIX в. и зятя, и воспитанники («вскормленники») воспринимались и считались приемышами.

Но самое главное, что объединяло все приведенные ранее договоры, заключалось в том, что в соответствии с указанными представлениями в каждой донской казачьей общине санкционировались к применению те или иные нормы обычаев, которые определяли форму и содержание индивидуальных договоров, заключаемых с приемышами. В каких-то общинах такие договоры могли носить название запродажных сделок, духовных завещаний, а в других называться совсем по-иному или вообще не иметь названия. Но во всех случаях условия индивидуальных договоров, заключаемых между гражданами, должны были соответствовать нормам обычного права, выработанным донскими казачьими общинами.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующий вывод. Об ограничении воли и волеизъявления граждан на самостоятельное формулирование условий индивидуальных договоров свидетельствует существование у донских казаков механизма проверки условий всех заключаемых между гражданами договоров на их соответствие нормам обычного права, санкционированным донскими казачьими общинами к применению в тот или иной период времени. Поскольку общины не просто подтверждали и переподтверждали, но отменя-

ли и запрещали применение отдельных норм обычаев, то в случаях, когда граждане отступали от прямых предписаний общины, противоречили им, при рассмотрении и разрешении возникающих между гражданами споров суды руководствовались нормами обычного права, а не условиями, содержащимися в заключенных гражданами индивидуальных договорах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование семейных и наследственных отношений» – проект № 13-13-34007 а/В.

² Здесь и ниже в цитатах сохранена орфография и пунктуация источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАРО. – Ф. 338. – Оп. 4. – Д. 274.
2. Гражданин. О сиротском достоянии в станицах / Гражданин // Донская газета. – 1875. – № 88.
3. Казак. Несколько слов в пользу безродных стариков / Казак // Донская газета. – 1876. – № 74.
4. Описание станицы Старочеркасской // Донские областные ведомости. – 1875. – № 32.
5. Поселок Синявский (Ростовского округа) // Приазовский край. – 1898. – № 223.
6. Тимощенко, И. Станица Петровская / И. Тимощенко // Приазовский край. – 1898. – № 223.
7. Харузин, М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – Вып. 1. – М., 1885.

**FEATURES OF CUSTOMARY LAW REGULATING CUSTODY
OF THE DON COSSACKS
DURING THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Krasnov Sergey Yurievich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Department of Civil and Arbitration Proceeding,
Volgograd State University
krasnov@volsu.ru, trofimov@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In this article, the author draws attention to the features and characteristics of the customary law regulating custody of the Don Cossacks during the second half of the XIX century. The author concludes that the complex and contradictory nature of the Cossack rulemaking and features of customary law regulating care depended on the peculiarities of the mechanism of action of customary law and the decisive role of the Don Cossack communities in this process. These issues have not yet been the subject of scientific research in historical-legal, historical and ethnological sciences.

Key words: customary law, custody and guardianship, the Don Cossacks, peculiarities of the customary legal regulation, the history of law in Russia.